

РОБЕРТ
БРЫНДЗА
РОКОВОЙ
СВИДЕТЕЛЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Б89

Robert Bryndza
FATAL WITNESS: A DCI Erika Foster Crime Thriller
Серия «Новый мировой триллер»

Published by special arrangement with Raven Street Limited
in conjunction with their duly appointed agents 2 Seas Literary
Agency and The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского Александры Смирновой
Оформление обложки Ольги Жуковой

В книге присутствуют упоминания социальных сетей,
относящихся к компании Meta, признанной в России
экстремистской, и чья деятельность в России запрещена

Брындза, Роберт.

Б89 Роковой свидетель : [роман] / Роберт Брындза ; —
Москва : Издательство АСТ, 2027. — 416 с.

ISBN 978-5-17-192880-3

«Медленно и осторожно Эрика обошла тело. Шторы в комнате были задернуты, и не было никаких признаков того, что кто-то выломал дверь, но стул был перевернут, а на полу валялись журналы и несколько предметов: свеча в подсвечнике, органайзер и, как ни удивительно, «Скрабл» — коробка лежала на полу, по ковру рассыпались фишки с буквами. Жестокая борьба, но никаких признаков взлома. Она знала убийцу?»

Вики Кларке — ведущая подкаста тру-крайм. Один из выпусков она посвятила истории насильника, который по ночам врывался в комнаты студенческого общежития и нападал на их обитательниц. Когда труп Вики находят в луже крови в собственной квартире, полиция выдвигает предположение, что девушка приблизилась к разгадке преступлений маньяка, ведь все материалы к подкасту исчезли.

Дело принимает неожиданный оборот, когда открывается правда о жестоком убийстве другой девушки, молодого врача-иммигранта, внешне очень напоминающей Вики Кларке. За расследование обстоятельств ее смерти берется детектив Эрика Фостер. Ей предстоит узнать, что связывало двух девушек и кто мог желать им смерти.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Raven Street Ltd 2022
© Смирнова А. С., перевод, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2027

ISBN 978-5-17-192880-3

ПРОЛОГ

Понедельник, 22 октября 2018 года

Стук в дверь был тихим, почти робким, поэтому она даже не подумала, что не стоит трогать цепочку. Когда она приоткрыла дверь, мужчина стоял совсем рядом, и видно было, что он едва сдерживает ярость. Прежде чем она успела среагировать, он просунул в щель руки и молниеносным движением схватил ее за голову, одной рукой зажав рот, а другой вцепившись в затылок. Оторвав ее тело от пола, он перешагнул через порог и вошел в квартиру.

Его руки, обтянутые черными перчатками из мягкой эластичной кожи, ощущались как железные. Таща ее через комнаты, он запрокинул ее голову назад, так что ей был виден был только потолок. Дернувшись всем телом, он пинком захлопнул дверь. Одной рукой он сжимал клок ее

волос, другой затыкал ей нос и рот. От шока она обмякла, как тряпичная кукла, и он бросил ее на маленький диван-кровать.

Она лежала, ошарашенная, и изумленно смотрела на него. Все это заняло не больше трех секунд.

— Пикнешь — пристрелю. Поняла? — угрожающе проговорил он. У нее не было времени понять. Он склонился над ней, обдав запахом пота и плохого лосьона после бритья, и ударил в лицо. Ее голова резко откинулась назад, онемела, ее бросило в жар, в холод. Кровать скрипнула в тишине, он забрался сверху, стал шарить по ее телу. Его запах стал сильнее, накрыл с головой. Он вновь занес над ней кулак, и мир взорвался звездами и ослепительной чернотой.

Когда она пришла в себя, она не знала, сколько времени прошло. Она лежала на животе, и ее руки были стянуты за спиной так крепко, что казалось, будто плечи вот-вот вылетят из суставов. Рот и одна из ноздрей были плотно заклеены, горло туго забито тканью. Чувствуя, что задыхается, она попыталась сглотнуть.

Шторы были задернуты, и в гостиной стояла тьма. Дверь, ведущая из гостиной в спальню, была приоткрыта, и сквозь щель в двери она видела, как он складывает тетради в маленький синий спортивный рюкзак. Когда он открыл дверь, рюкзак был на нем — синие лямки нелепо смотрелись поверх элегантного пиджака в полоску. Она вновь попыталась сглотнуть, но ткань во рту была плотно

прижата к стенкам горла. Она почувствовала, что ее вот-вот вырвет, попыталась сдвинуться и на краткий миг ощутила эйфорию, обнаружив, что он не связал ей ноги.

Она обвела глазами гостиную и кухню. Нож. Ей нужно было достать нож. Она снова посмотрела в щель в двери. Он пытался что-то найти — сбрасывал книги с полки, рылся в ящиках. Нашел флешку и бросил в рюкзак. Хотя жертвой была она, вид и у него был испуганный. Нужно было действовать быстро, пока он отвлекся.

Она повернула голову, кляп во рту надавил на миндалины, и она едва не задохнулась. Стук крови отдался эхом в затекшем теле, болью вспыхнул синяк на лице.

Когда она медленно спустилась с кровати к краю, тонкий матрас сдвинулся вперед, она потеряла равновесие, скатилась с дивана-кровати и с грохотом шлепнулась на пол, стукнувшись левым виском, куда пришелся его удар.

Звук эхом отдался по комнате, но он не услышал. Он был полностью поглощен тем, что печатал за компьютером на столе.

Требовалось огромное усилие, чтобы подняться, и она подползла к стене, прислонилась к ней и смогла встать на колени, с трудом контролируя рвотные спазмы, подступавшие, когда кляп давил на горло. Дышать было тяжело, и ей дважды приходилось останавливаться.

Когда она наконец поднялась на ноги и, пошатываясь, встала посреди комнаты, это стало насто-

ящей победой. Нетвердо шагая, она обошла кровать. На низком столике у стены, у самого края, стояла коробка со «Скраблом»*, которую она задела ногой. Коробка покачнулась и с грохотом рухнула на пол, фишки с буквами рассыпались по ковру.

Он все еще стоял за столом и что-то печатал. До кухни оставалось совсем немного. Она увидела возле духовки блок ножей.

Их было восемь, но кухонная стойка располагалась выше ее талии, и со связанными за спиной руками дотянуться было невозможно.

Чтобы достать нож, ей пришлось наклониться и зажать подставку для ножей под мышкой, как лассо. Изогнувшись вбок, она перевесилась через стойку. Руки горели от боли, когда она, с трудом шевеля ими, сдвинула их чуть влево и попыталась схватиться за блок ножей, но не смогла его удержать.

Потев от усилий, она попробовала снова, и боль была такой сильной, что перед глазами вновь вспыхивали звезды. С четвертой попытки ей удалось, и блок ножей с грохотом упал на край стойки.

Теперь ножи торчали горизонтально и почти на уровне столешницы. Полная надежд, она повернулась к ним спиной и связанной рукой дотянулась до длинного разделочного ножа. Она обхватила пальцами рукоятку...

* Настольная игра, аналог «Эрудита».

— Нет-нет-нет, — раздался голос. Он стоял у кухонного стола и наблюдал за ней. Она сделала шаг вперед и почувствовала, как нож гладко выскользнул из блока. Крепче сжав рукоятку, она повернулась и попятилась к нему, но ей не хватило скорости. Он шагнул в сторону, она споткнулась и упала, больно приземлившись на рукоятку ножа и собственные связанные руки.

— Ты не оставишь меня в покое, да? — спросил он тихо и спокойно. Она вскрикнула, попыталась брыкаться, но он ухватил ее ноги, поднял с пола и бросил обратно на диван-кровать.

Он занес над ней нож, и она увидела, как он оглядывается, лихорадочно пытаясь понять, что делать. Он схватил нижнюю часть складной рамы и наклонил, подняв ее ноги. Ее тело согнулось пополам, он навалился сверху, придавил ее весом и металлическим каркасом дивана-кровати. Все тело ожгло болью, плечи выскочили из суставов, колени поднялись над головой. Кляп во рту двинулся вниз по горлу, сдавливая трахею.

А потом нож вонзился ей в спину, распорол щеку, бедро, икру. Он втыкал нож в матрас.

Она не могла дышать, неистовые удары не прекращались, нож погружался в ее тело, матрас давил сверху.

Она надеялась, что смерть наступит быстро, но три минуты до того, как ее желание было исполнено, стали для нее вечностью.

1

Главный инспектор полиции Эрика Фостер стояла в пустой комнате ветхого викторианского дома. В окно давил мрачный серый октябрьский вечер. Половицы местами прогнили, по потолку расплылось желтое влажное пятно, слилось со стеной и потекло вниз, оставляя пузыри на выцветших обоях в цветочек. Голая лампочка в сорок ватт окутывала комнату тусклым светом. В складках зимнего пальто Эрики зазвонил телефон. Сестра, Ленка.

— Эрика, я только что пыталась связаться с тобой по фейстайму, — сказала она по-словацки.

— У меня новый телефон, я еще его не настраивала, — честно призналась Эрика, переложила телефон к другому уху и подняла воротник, чтобы стало чуть теплее.

— Ну, как дела в новом доме?

— Хорошо. Грузчики доставили все мои коробки, и... — Эрика огляделась по сторонам, пытаясь представить, как она собирается сделать из

этой дыры что-то напоминающее дом, и внезапно осеклась, когда за стеной раздался пронзительный грохот.

Она вышла из гостиной в коридор, ее шаги гулко стучали по голым половицам. Полчаса назад она включила термостат на тридцать градусов. Батарея, похоже, билась в агонии, но ничего не согревала. На миг наступила тишина, а потом вновь загрохотали трубы, эхом отдаваясь от темной площадки наверху.

— Что это за шум? Ты можешь перезвонить по скайпу?

Эрика обвела глазами коридор, заставленный коробками. В одной из них лежали ее удостоверение и рация. С чего она вообще взяла, что сможет справиться? Мебели ей отчаянно не хватало, не было даже кровати. Лучше было бы попросить владельца съемной квартиры дать ей там пожить еще месяц и за это время попытаться хоть немного привести дом в порядок. Сейчас это жилище нельзя было показать даже сестре.

— Ленка, у меня на телефоне и скайпа нет. А комп где-то в коробке.

— Я думала, мы договорились, что ты мне покажешь свой новый дом! Ты столько денег за него отвалила... Не представляю, как люди при таких расценках вообще живут в Лондоне. А тут еще и Британия выходит из Евросоюза... Мне кажется, сейчас не лучшее время покупать дом. — За стеной вновь что-то взвизгнуло, лязгнуло, но наконец затихло, и Ленка продолжала: — Я все время вижу

в новостях, что восточноевропейцев вот-вот начнут выгонять.

— Меня не выгонят. Я полицейский, и у меня двойное гражданство, — возразила Эрика. Ленка издала что-то среднее между хрюканьем и фырканьем.

— Ты можешь хотя бы скинуть свой новый адрес, чтобы я отправила тебе теплый подарок на новоселье?

— Да, причем в буквальном смысле. Мне здесь очень не помешал бы обогреватель, — Эрика понимала, что на уме у Ленки совсем не теплые подарки, и адрес нужен ей для того, чтобы искать дом в Интернете.

— Как называется район?

— Блэкхит. — Эрика вернулась в комнату, положила руку на древний радиатор под эркерным окном, ощутила легкое тепло сквозь холодный металл. Занавесок не было, и она увидела свое отражение в стекле. При росте в метр восемьдесят два Эрика всегда выглядела худой, но и не представляла, насколько тощей и изможденной стала в последнее время. Короткие светлые волосы спутались и стояли торчком. Она выключила свет, и теперь в окно стали видны темные просторы вересковой пустоши. Уличные фонари освещали дорогу, отбрасывая лужицы оранжевого света на чахлую траву.

— Это как-нибудь переводится? — спросила Ленка.

— Да. «Хит» значит участок полудикой земли, а «блэк»... черным его, по всей видимости, назвали, потому что использовали как чумную яму после Черной смерти.

— То есть там хоронили трупы?

— Похоже, да.

— Мало тебе трупов на работе, что ли?

— Нет тут никаких трупов. Замечательный район. С частными магазинами и барами.

— И чумной ямой у входной двери! — Ленка фыркнула.

— Зато тут ничего не собираются строить, так что у меня всегда будет прекрасный вид. — Эрика повторила слова, услышанные от молодого румяного агента по недвижимости. — Еще это близко к работе, а за углом живет Айзек, мой коллега и друг. Помнишь Айзека?

— Это тот чудака-гробовщик?

— Он не гробовщик. Он судмедэксперт.

— Эрика, как ты встретишь мужчину мечты, если окружаешь себя мертвецами и чудаками?

— Ленка, мне не нужен никакой мужчина мечты, и чудаками я себя не окружаю. Это просто мой друг. Ладно, я не об этом хотела. В моей жизни новый старт. Я продала дом в Манчестере и после того, как слишком долго снимала квартиру тут, в Лондоне, купила собственное жилье. Я наконец чувствую, что двигаюсь дальше с тех пор, как... — Она осеклась. Ей не хватило сил договорить «с тех пор, как не стало Марка».

Муж Эрики, Марк, тоже работал в полиции. Он погиб четыре года назад, во время рейда на наркопритон. Спустя несколько месяцев после его смерти Эрика перебралась из Манчестера в Лондон, чтобы занять новую должность. Эти четыре года выдались сложными как в личном, так и в профессиональном плане, но, купив этот дом, она, несмотря на все его недостатки, наконец ощутила, что начинает новую жизнь.

— Ты счастлива? — уже чуть мягче спросила Ленка. Эрика ненадолго задумалась.

— Не то чтобы, но, наверное, за последнее время это самое близкое к счастью ощущение. Слушай, я настрою телефон, и мы пообщаемся по видеосвязи. Но в доме много работы, а сад в беспорядке.

— Я не буду тебя осуждать. Мне просто интересно.

— Хорошо. На связи, привет детям и Мареку.

Закончив разговор, Эрика нащупала в кармане пальто шерстяную шапку и натянула ее. У подножия лестницы висела голая лампочка, но свет не доходил до площадки наверху. Эрика прошла по коридору, мимо коробок и двери, до маленького туалета. Когда они вместе с Айзеком смотрели этот дом, он заметил, что туалет напомнил ему фильм «На игле», и он не удивился бы, увидев, как из унитаза выползает молодой Юэн Макгрегор.

Кухню, по всей видимости, в последний раз ремонтировали примерно в семидесятых. Под окном располагались небольшая деревянная рабочая по-

верхность и раковина, в углу гудел новый холодильник Эрики, нелепый на фоне желтеющих обоев. Пока что Эрика распаковала только чайник, микроволновку и пару кофейных кружек. Мысль о том, чтобы рыться в коробках в поисках тарелок и столовых приборов, а потом что-то разогревать на грязной кухне, ей не очень-то понравилась. Неподалеку было уличное кафе, а время приближалось к восьми, так что она решила сходить туда и что-нибудь заказать.

Когда она вышла из дома, улицы были пусты, а в воздухе висел туман. Опустив голову и подняв воротник, она направилась к кафе, и едва вошла в дверь, как ее окутало восхитительное тепло и запах жареной рыбы. Кафе оказалось в стиле ретро, с огромной серебряной фритюрницей, длинной зеленой стойкой в крупинках соли и лужицах уксуса; возле кассы стояли две огромные банки маринованных яиц и бутылки уксуса и кетчупа. Эрика заказала большую треску с картошкой фри и банку легкой медовухи «Одуванчик и лопух», села у окна.

Дорога была тихой, сгущался туман. Другие посетители брали еду с собой, и Эрика оказалась в кафе совсем одна. Глядя на банку медовухи, удивительного напитка, непохожего ни на какой другой, она вспоминала прошлое. Именно Марк открыл для нее «Одуванчик и лопух», когда она только переехала в Великобританию; он же привил ей любовь к рыбе с жареной картошкой. Спустя четыре года после его смерти все вокруг